

СЕМИОТИКА ПЕРЕВОДА

А.А.Худяков

доктор филологических наук

Настоящая статья посвящена исследованию механизмов семиозиса при переводе, при этом семиозис трактуется как процесс мыслительного конструирования и распознавания языковых знаков. Формат статьи задает естественные границы тому объему, в котором анализируется объект, поэтому было бы правильным с самого начала указать на то, какой именно вид перевода нас будет интересовать, и на допущениях какого рода мы будем основываться, принимая их за исходные.

Итак, интересующий нас вид перевода – устный, последовательный, осуществляемый при общении между коммуникантами *A* и *C* переводчиком *B*, что, по-видимому, является чрезвычайно широко распространенным видом перевода. К базовым исходным допущениям относятся следующие:

- а) переводчик обладает необходимой квалификацией для осуществления профессиональной деятельности (неопытный или плохо владеющий иностранным языком переводчик способен аннигилировать возникающую при переводе цепь семиотических преобразований, в результате чего предлагаемая ниже схема просто перестает работать);
- б) концептуальные системы *A* и *C* являются потенциально совместимыми (никакое искусство переводчика-виртуоза *B* не поможет разрешению переводческой задачи, если коммуникант *A* – носитель языка L_1 , являясь, например, физиком-ядерщиком, желает вести разговор на свои профессиональные темы с коммуникантом *C* – к примеру, специалистом по макроэкономике, носителем языка L_2).

Таким образом, нас интересует ситуация общения двух коммуникантов *A* и *C*, говорящих на языках L_1 и L_2 , на понятные для обоим темы через переводчика *B*, владеющего языками L_1 и L_2 и обладающего всеми необходимыми профессиональными навыками для преобразования структур языка L_1 в структуры языка L_2 и наоборот.

Сформулируем также теоретическую аксиоматику, необходимую для уяснения сущности предлагаемой концепции:

1. Языковой знак имеет билатеральную природу: десигнаторная часть знака манифестирует его внешнюю, формальную, физическую сторону, а десигнатная часть является его содержательной, семантической стороной (см. [Никитин 1996; Шингарева 1987] и др.);
2. Предложение и высказывание в форме предложения обладают знаковой природой, будучи способными выполнять не только коммуникативную, но и номинативную функции (см. [Арутюнова 1971; Гак 1973] и др.);
3. Основной естественной языковой сущностью является предложение и высказывание в его форме (см. [Авоян 1985; Витгенштейн 1994; Касевич 1988; Лосев 1982; Сулейменова 1989; Сыроваткин 1978, 1979; Kintsch 1970] и др.).

Согласно развиваемой нами концепции активация цепи семиотических преобразований при переводе предваряется возникновением у коммуниканта *A* некоего побуждения, начального импульса, на основе которого формируется общий замысел будущего высказывания (см. также [Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи 1991]). Наличие замысла является своего рода пусковым механизмом для семиозиса высказывания. Инициальным этапом семиотического акта является активация в сознании говорящего концептуальных связей двоякого рода: с одной стороны происходит активи-

вация концептуальных связей, ориентированных на селекцию ментальной модели, коррелятивной замыслу высказывания, а с другой – активация концептуальных связей, ориентированных на «подыскивание» данной ментальной модели подходящей ей пропозициональной матрицы. При этом мы основываем наши рассуждения на замечании Л.С.Выготского о том, что всякая мысль всегда стремится соединить что-то с чем-то [Выготский 1956]. Сентенциональный знак, таким образом, рассматривается как билатеральный не только в готовом виде, но и так сказать, в своем «зародыше». Концептуальным прообразом десигнатной части сентенционального знака является ментальная модель/протодесигнат, а концептуальным прообразом его десигнаторной части является пропозициональная матрица/протодесигнатор (подробнее о природе протодесигнатора и протодесигната как о двух сторонах протознака см. [Худяков 2000a]). Результатом взаимодействия протодесигнатора и протодесигната является образование концептуального скелета будущего предложения – пропозиции. Графически первый, предпропозициональный этап семиозиса можно изобразить следующим образом¹:

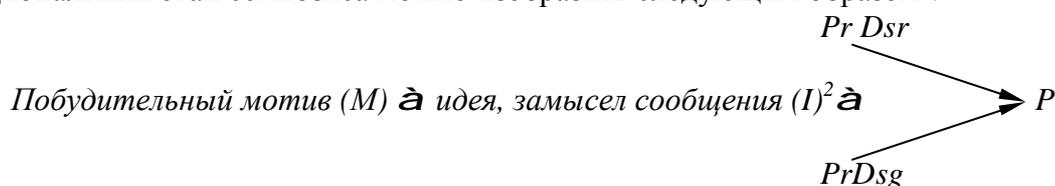

Схема 1

Образование пропозиции знаменует собой границу между семиотическими преобразованиями в концептуальной сфере, пространстве мысли и семиотическими преобразованиями в языковой сфере, пространстве языка. Постпропозициональный этап семиозиса ведет к появлению билатерального сентенционального знака, причем результатом одного рода преобразований является появление десигнаторной части сентенционального знака, а результатом преобразований другого рода является появление его десигнатной, семантической части. Формирование десигнаторного компонента знака предполагает процессы линейаризации, синтаксизации, иерархизации членов предложения – одним словом, реализации одной из существующих в данном языке схем построения предложения. Формирование десигнатного компонента знака предполагает образование того, что мы называем базовой семантикой предложения, складывающейся из сложного интегративного взаимодействия следующих трех компонентов: а) значения лексических единиц, б) правил их семантической комбинаторики, в) структурного значения предложения. Графически постпропозициональный этап семиозиса предложения можно представить так:

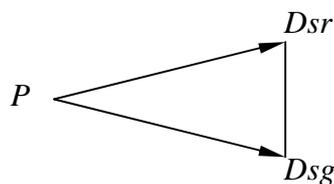

Схема 2

Создание автором речевого сообщения двусторонней формально-содержательной структуры еще не есть, на наш взгляд, цель коммуникативного акта. Оно является лишь

¹ Идея представления динамики построения знака в терминах векторных преобразований была заимствована нами у Г.Гийома [Guillaume 1984], претерпев значительные изменения с целью ее адаптации для нужд теории семиозиса.

² Символом М кодируется мотив сообщения (англ. motive); символом I кодируется замысел сообщения (англ. idea).

необходимой предпосылкой к тому, чтобы с помощью данной структуры и на ее основе осуществить порождение и трансляцию в сознание собеседника прагматико-коммуникативного ядра высказывания, его смысла. Отметим, что дистинкция *значение предложения / смысл высказывания* подробно рассмотрена нами в работе [Худяков 2000б], и обращение к ней сделало бы наше изложение излишне громоздким, а главное, увело бы в сторону от объекта текущего исследования – семиотики перевода. Здесь стоит, пожалуй, лишь отметить, что естественный язык выработал средства маркирования смысла высказывания, которые мы склонны именовать смыслопорождающими операторами, и которые, по сути, являются шифтерными категориями, т.е. такими, чье появление в структуре высказывания не продиктовано необходимостью реализации звеньев пропозициональной структуры, а мотивировано необходимостью адаптации содержания высказывания контекстуальным и ситуативным условиям данного речевого акта [Худяков 2001].

Таким образом, создание речевого высказывания в форме билатерального сентенционального знака нацелена на порождение и трансляцию слушающему (вернее, активацию в сознании слушающего) телеологически центральной для коммуникативного процесса сущности – смысла (*S*):

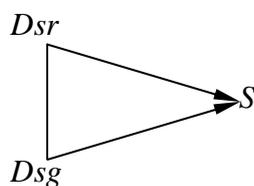

Схема 3

Данная схема иллюстрирует не только конечный этап семиотического процесса в сознании говорящего – отправителя сообщения *A*, но и инициальную стадию семиотического процесса в сознании слушающего, т.е. переводчика *B* в ситуации перевода. Отсюда видно, что семиотическая деятельность отправителя сообщения *A* и переводчика *B* будет иметь принципиально разный характер, отличаясь двумя существенными параметрами: во-первых, мотивами к совершению семиотической деятельности, и во-вторых – ее этапностью. Для коммуниканта *A* мотивы семиотической деятельности связаны с необходимостью реализации замысла речи и достижения соответствующего прагматического эффекта; для переводчика мотивы семиотической деятельности лежат за пределами его собственной коммуникативной интенции и заключаются в стремлении возбудить в сознании слушающего концептуальные связи, аналогичные тому смыслу, который был порожден в качестве конечного семиотического продукта коммуникантом *A*. Если начальным этапом семиотической деятельности отправителя сообщения *A* является создание ментального протознака с протодесигнатором и протодесигнатом в качестве его составных частей, то отправной точкой семиотического процесса в сознании переводчика *B* является рецепция уже созданного высказывания в форме билатерального сентенционального знака с адекватным его пониманием, т.е. конструирование в своем сознании смысла, адекватного смыслу, порожденному автором сообщения *A*. Поскольку в ситуации перевода адекватное понимание переводчиком смысла воспринятого им высказывания не является целью и соответственно заключительной частью семиотического процесса, последний продолжается, переходя в новую фазу – фазу построения высказывания на языке *L₂*, приемлемого для слушающего *C*. Схематично это выглядит следующим образом:

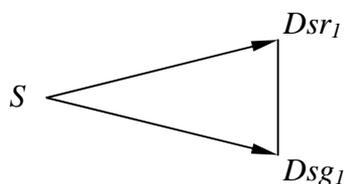

Схема 4

С семиотической точки зрения деятельность переводчика на данном этапе заключается в том, чтобы формализовать, “означить”, вывести во внешний план смысл S в форме билатерального сентенционального знака со сторонами Dsr_1/Dsg_1 . Таким образом, сентенциональные знаки (и высказывания в их форме) со сторонами Dsr/Dsg и Dsr_1/Dsg_1 будут различны, поскольку различны кодовые системы языков L_1 и L_2 соответственно. Вместе с тем, эти знаки будут связываться общим компонентом S , обеспечивающим их межъязыковую конгруэнтность. Следовательно, на долю переводчика приходится следующий сегмент семиотических преобразований, имеющих место при совершении коммуникативного акта говорящим A и слушающим C , являющихся носителями языков L_1 и L_2 соответственно:

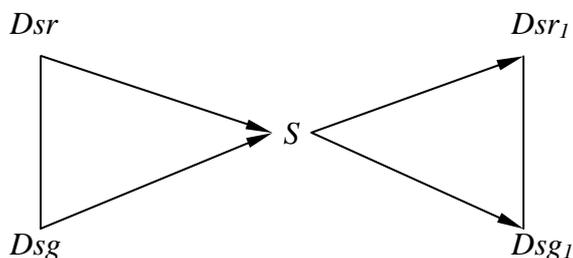

Схема 5

Семиотический акт на этом, как было уже сказано, не может считаться завершенным, ведь целью его является не понимание высказывания говорящего A переводчиком B , и даже не акт кодового преобразования сентенционального знака языка L_1 в знак языка L_2 , а генерирование смысла S в сознании слушающего C , что достигается уяснением последним содержания сообщения, воспринятого им в форме сентенционального знака со сторонами Dsr_1 и Dsg_1 :

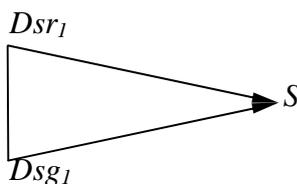

Схема 6

На этом цепь семиотических преобразований при переводе могла бы считаться завершенной, ведь смысл высказывания говорящего A актуализирован в сознании слушающего C при помощи семиотической “посреднической” деятельности переводчика B , однако реальность коммуникативного взаимодействия между говорящим A и слушающим C такова, что статусы “говорящий” и “слушающий” константно не закреплены за участниками коммуникации A и C . Как правило, обмен высказываниями ведется в обоих направлениях, не только от A к C , но и обратно. Если, как справедливо отмечает М.М.Бахтин, **всякая** речь принципиально диалогична [Бахтин 1979], то по отношению к формату рассматриваемой нами речевой деятельности (устная коммуникация двух лиц при помощи переводчика) она будет неизбежно носить ярко выраженный интерактивный характер, а потому слушающий C , усвоивший смысл высказывания говорящего A , сам становится говорящим и начинает семиотический процесс порождения собственного высказывания в форме сентенционального знака, начальной фазой которого является конструирование сознанием протознака как соединения протодесигнатора $PrDsr_1$ и протодесигната $PrDsg_1$:

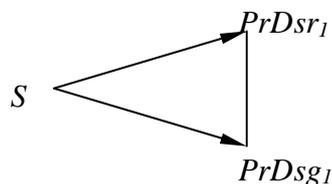

Схема 7

Доныне разомкнутая однонаправленная цепь семиотических преобразований становится замкнутой двунаправленной: семиотическая дуга превращается в семиотическое кольцо, служащее «проводником» все новых и новых смыслов. В заключение сделаем два немаловажных теоретических вывода, вытекающих из предлагаемой схемы семиотики перевода. Первый касается природы обозначенного символом S смысла, который при должном качестве перевода остается константным и в сознании отправителя сообщения A , и в сознании переводчика B , и в сознании слушающего C при акте перевода высказывания A для C . При всем том, что стороны словесных знаков меняются (от Dsr к Dsr_1 и от Dsg к Dsg_1), смысл должен оставаться тем же самым. Если смысл S , порожденный автором речевого сообщения, будет преобразован в сознании переводчика в смысл S_1 (результат неправильного декодирования переводчиком знака со сторонами Dsr/Dsg), а этот последний в свою очередь будет преобразован в сознании слушающего в смысл S_2 (результат неправильного кодирования смысла S_1 в сентенциональный знак со сторонами Dsr_1/Dsg_1), то коммуникативная неудача при переводе наверняка обеспечена.

Второй важный вывод касается побудительного мотива, служащего своего рода пусковым механизмом для семиотического процесса. Если для говорящего A такого рода побудительные мотивы могут лежать за пределами собственно семиотической деятельности³, то для коммуниканта C , который меняет в ходе конверсационного взаимодействия статус слушающего на статус говорящего, побудительным толчком к конструированию собственного речевого высказывания может служить как раз факт внутрисемиотический, а именно – усвоение порожденного говорящим смысла S , активирующего соответствующие концептуальные связи в сознании слушающего, побуждающего его к конструированию собственного речевого высказывания со смыслом S_1 .

Подытожим сказанное о семиотике перевода в виде схемы, фрагменты которой уже приводились нами для иллюстрации отдельных звеньев семиотических преобразований при описании доли каждого из участников семиотической деятельности, а именно отправителя сообщения A , переводчика B и слушающего C :

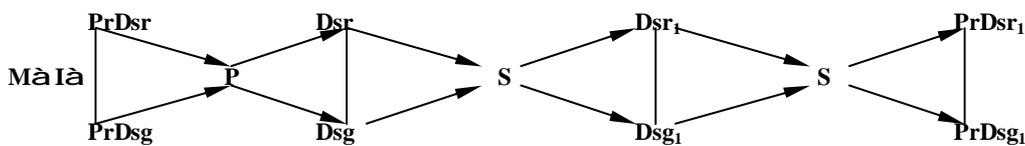

Схема 8

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. О номинативном аспекте предложения // Вопросы языкознания. – 1971. – № 6.
2. Аволян Р.Г. Значение в языке. Философский анализ: Монография. – М., 1985.

³ Интенция к совершению некоего речевого действия далеко не всегда обусловлена другим речевым действием, а может иметь какую угодно мотивировку – испытывающий жажду порождает речевое высказывание с просьбой дать ему стакан воды вовсе не как результат чужого сообщения о том, что он испытывает жажду.

3. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и др. гуманитарных науках. – М., 1979.
4. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. – М., 1994.
5. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. – М., 1956.
6. Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики 1972. – М., 1973.
7. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. – М., 1988.
8. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. – М., 1982.
9. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. – СПб., 1996..
10. Шингарева Е.А. Семиотические основы лингвистической информатики. – Л., 1987.
11. Сулейменова Э.Д. Понятие смысла в современной лингвистике. – Алма-Ата, 1989.
12. Сыроваткин С.Н. Принципы и методы лингвистических исследований в свете семиотики. – Калинин, 1979.
13. Сыроваткин С.Н. Теория перевода в аспекте функциональной лингвосомиотики. – Калинин, 1978.
14. Худяков А.А. Об онтологии предзнака // Язык как функциональная система. – Тамбов, 2000а.
15. Худяков А.А. Проблема смысла в свете знаковой теории языка // Язык и речевая деятельность. – №3, т.1. СПб., 2000б.
16. Худяков А.А. К проблеме языковых средств экспликации смысла высказывания // Теория языка и практика преподавания. – Архангельск, 2001.
17. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М., 1991.
18. Guillaume G. Foundations for a Science of Language. – Amsterdam/Philadelphia, 1984.
19. Kintsch W. Learning, memory, and conceptual processes. – New York, etc., 1970